

Валерий Антонов

Тень Льва

Валерий Антонов

Тень Льва

<https://litres.ru/74190439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический роман «Тень Льва» — это масштабная сага о верности, любви и цене клятвы, разворачивающаяся на фоне бурного правления Ричарда Львиное Сердце. Юный Этьен де Блуа, отданный заложником ко двору Плантагенетов, становится свидетелем и участником величайших событий эпохи: мятежей, крестового похода в Палестину, битв с Саладином, предательства и плена. Связанный нерушимой клятвой со своим королём, он жертвует личным счастьем с юной аристократкой Элеонорой Бретонской, племянницей Ричарда. Её образ и любовь становятся для Этьена единственным светом в аду войны и темниц. Это история о человеке, разрывающемся между долгом и сердцем, о разрушительной природе власти и о прощении, которое приходит слишком поздно. Роман детально воссоздаёт суровый быт, нравы и географию средневековой Европы и Святой Земли XII века.

Содержание

Пролог: Золотая клетка	4
Глава 1. Чужой среди своих.	14
Глава 2. Девочка с глазами цвета моря.	26
Глава 3. Урок крови.	36
Глава 4. Первая победа: Осада Тайльбура	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Антонов

Тень Льва

Пролог: Золотая клетка

Золотая клетка

Замок Шинон, апрель 1183 года

Смерть пахнет воском и железом.

Этьен стоял у дубовой двери, окованной полосами ржавого железа, впускающей в королевскую опочивальню, и чувствовал этот запах даже сквозь каменную кладку толщиной в рост человека. Пламя факела в железном кольце над головой чадило, отбрасывая на серый камень пляшущие тени. В коридоре было холодно, пронизывающе холодно, хотя апрель уже распустил клейкие почки на деревьях за узкими, забранными решетками окнами. От каменных плит пола тянуло могильным холодом, поднимаясь под кольчугу, заставляя плечи напрягаться. Где-то в щелях кладки завывал ветер — замок Шинон стоял на скалистом холме над рекой Вьен, продуваемый всеми ветрами.

Этьен переступил с ноги на ногу. Кольчуга, сплетенная из тысяч железных колец, привычно звякнула. Под ней он носил стеганый гамбезон — плотную льняную куртку, набитую конским волосом, которая спасала и от холода, и от ударов.

Но сегодня даже она не грела. Его шерстяные шоссы намокли от сырости, кожаные башмаки стерлись о камень за долгие часы ожидания. Он не двигался. Он ждал. Как учили.

Как учили с того дня, когда его, десятилетнего мальчика, привезли в этот замок и сказали: «Ты — заложник чести. Твой отец погиб за короля. Теперь ты будешь жить для короля. И, если понадобится, умрешь за него».

Он тогда не понял, что значит «жить для короля». Он думал, это значит — учиться фехтовать на внутреннем дворе, усыпанном утоптанной соломой, смешанной с конским навозом. Ездить верхом по вересковым пустошам Турени. Носить факелы на пирах в большом зале, где под почерневшими от копоти дубовыми сводами собирались бароны в отороченных мехом плащах. Он не знал, что это значит — стоять у дверей умирающего монарха и слушать, как старый король проклинает собственных сыновей.

Голос Генриха II доносился из-за двери, глухо резонируя под высокими сводами опочивальни. Стены здесь были толщиной в четыре фута, сложенные из серого туренского известняка, и все же голос короля пробивался сквозь камень — срывающийся на хрип, полный ярости и боли:

— Изменники! Все до одного! Я дал им жизнь, я дал им земли, я дал им власть... а они продали меня! Генрих... старший... этот пьяница... Джоффри... змея... и Ричард... о, Ричард... мой лучший меч, моя гордость... он ударил меня первым!

Этьен сглотнул. Он слышал эти крики уже третью ночь. Генрих Плантагенет, повелитель Англии, герцог Нормандии, граф Анжу и Аквитании, метался в горячке, призывая то Бога, то дьявола, то свою жену Элеонору, которую сам же заточил в темницу замка Солсбери. Говорят, когда король узнал, что его сыновья объединились против него с французским королем Филиппом, он просто сломался. Не от ран — от предательства. От того, что собственная кровь вонзила нож ему в спину.

Скрипнула тяжелая, обитая промасленной кожей дверь. Из опочивальни вышел архиепископ Кентерберийский, бледный, с дрожащими руками, на которых темнели старческие пятна. Его пурпурная сутана из тонкой фламандской шерсти показалась Этьену неуместно яркой в этом царстве серого камня и смерти. На груди архиепископа тускло блестел золотой крест, усыпанный гранатами.

— Он зовет тебя, мальчик. Этьен вздрогнул. — Меня? Зачем? — Он бредит. Ему кажется, что ты — его умерший сын Гийом. Иди. Успокой его. Сделай вид, что ты тот, кого он ищет. Это все, что мы можем для него сделать.

Этьен шагнул через порог.

Комната казалась меньше, чем он помнил. Высокий, стрельчатый свод терялся в темноте, куда не достигал свет очага. Узкое окно, забранное ромбовидным свинцовым переплетом с вставленными в него пластинами полупрозрачного рога, пропускало серый свет, в котором танцевали пы-

линки. Стены были завешаны гобеленами — выцветшими от времени, с поблекшими сценами охоты и битв. Они не столько украшали, сколько сохраняли тепло, удерживая его в толще ткани. В углу, в огромном камине, украшенном резным гербом Плантагенетов — три леопарда на алом поле, — тускло горел огонь. Слуги бросали в него сырые поленья, и дым ел глаза, несмотря на вытяжной колпак. На каменных плитах пола лежала сухая трава и ароматические растения — лаванда, розмарин, шалфей, — чтобы перебить запах болезни.

На огромной кровати, заваленной медвежьими мехами и вышитыми льняными простынями, умирал человек, некогда бывший самым могущественным королем христианского мира. Теперь это был просто старик с запавшими щеками и мутными глазами, одетый в пропотевшую льняную рубаху с развязанными тесемками на груди. Его рыжеватые с проседью волосы свалились, борода спуталась. На прикроватном столике стояли склянки лекарств — толченый рог единорога, порошок из сушеных жаб, настойка маковых зерен, — бесполезные, как и молитвы.

— Гийом? — прошепелявил Генрих беззубым ртом, поворачивая голову. — Ты пришел? Ты простил меня?

Этьен замер. Он не знал, что делать. Лгать умирающему? Сказать правду? Ему вдруг вспомнились слова капеллана: «Ложь во спасение — не грех, если она облегчает страдания». Он сделал шаг вперед и опустился на колени у кровати,

чувствуя, как холод от каменного пола обжигает даже сквозь кольчужные набедренники.

— Я здесь, отец, — тихо сказал он, чувствуя, как горло сжимается от страха и жалости. — Я здесь.

Рука Генриха, иссохшая и покрытая старческими пятнами, с узловатыми, искривленными подагрой пальцами, вдруг метнулась вперед и схватила Этьена за запястье. Схватила с такой силой, что тот вздрогнул. Ногти короля, длинные, неухоженные, впились в кожу.

— Ты лжешь, — прохрипел король. — Ты не мой сын. Мой сын умер. Все мои сыновья умерли для меня. Ты... кто ты?

— Этьен де Блуа, сир. Ваш паж. Ваш...

— Де Блуа? — Генрих прищурился. В его глазах на мгновение мелькнула ясность, та самая, что много лет назад заставляла трепетать баронов и епископов. — Ах да... маленький Блуа... сын того рыцаря, что погиб в Уэльсе... в этих проклятых болотах... Я помню. Ты был верен мне, мальчик.

Этьен кивнул. Он не мог выдавить из себя ни слова.

Генрих потянул его ближе, и Этьен почувствовал запах болезни — сладковатый, тошнотворный запах гниющей плоти, который не могли перебить ни травы на полу, ни дым от лаванды, курившейся в медной жаровне. Так пахнет смерть, подумал Этьен. Не сталь и не ладан, как поют трубадуры. Так пахнет гниющее мясо.

— Ты был верен, — повторил король. — В отличие от мо-

их... от моих вырожденков. Ты смотрел на меня честными глазами. Не как на корону, а как на человека. Я запомнил это. Я всегда запоминал тех, кто смотрит на человека, а не на титул.

Этьен опустил голову. Он вспомнил тот день, когда его впервые привели к королю. Ему было десять, он был одет в лучшую свою тунику — синюю, из грубой шерсти, подпоясанную простым кожаным ремнем, — но все равно выглядел нищим рядом с придворными в шелках и мехах. Он был напуган до смерти, но отец учил его: «Никогда не опускай глаза перед королем, даже если тебе страшно. Страх — это удел рабов. Ты — рыцарь».

— Слушай меня, мальчик, — Генрих закашлялся, и в груди его что-то захрипело, забулькало, как вода в кузнечных мехах. — Я умираю. Скоро эти стены будут помнить только мое имя, но не мое дыхание. Мое место займет Ричард... мой сын, мой палач. Он молод. Он силен. Он глуп. Ты будешь служить ему?

Этьен поднял глаза. — Да, сир. Я дал клятву.

— Клятву? — Генрих усмехнулся беззубым ртом, и в его усмешке было столько горечи, что Этьену захотелось заплакать. — Клятвы — это цепи, мальчик. Они держат нас сильнее, чем стальные оковы. Я видел, как бароны клялись мне в верности, целуя крест и мощи святых, — а наутро вонзали мне нож в спину. Ты дашь клятву Ричарду, и он будет требовать от тебя всего — крови, времени, души. Он будет ломать тебя, как ломают коня, и когда ты перестанешь быть ему по-

лезен, он отшвырнет тебя, как сломанную игрушку. Знаешь, почему?

— Почему, сир?

Генрих приподнялся на локте, и в его глазах вспыхнул последний огонь — огонь человека, который правил тридцать пять лет и знал цену всему. Огонь человека, который построил империю от Шотландии до Пиренеев, который скреплял договоры кровью и золотом, который посадил в темницу собственную жену и отравил жизнь собственным детям.

— Потому что мы, Плантагены, не даем любви. Мы берем ее. Мы берем верность, мы берем жизни, мы берем сердца — и разбиваем их вдребезги. Так меня учил мой отец, Жоффруа Красивый. Так я учил своих сыновей. И знаешь, что я понял перед смертью? — Он зашелся кашлем, сплюнул на пол сгусток темной крови. — Это проклятие. Плантагены пожирают тех, кто их любит. Мы как волки — воем на луну и рвем друг друга зубами. Если ты хочешь выжить при моем сыне, мальчик, береги свое сердце. Не давай ему того, что он может уничтожить. Никогда не люби того, кого он может отнять у тебя.

Этьен почувствовал, как в груди что-то оборвалось.

Потому что он уже любил.

Он любил маленькую девочку с глазами цвета осеннего моря, которая сидела с ним в библиотеке Винчестера и читала книги о короле Артуре. Она носила простое синее платье, но в ее спутанных волосах блестела золотая нить — знак

королевской крови. Он любил ту, кого Ричард уже однажды назвал «моей маленькой львицей», и он знал, что Ричард никогда не отдаст ее — не отдаст просто так. Она была племянницей короля, дочерью его брата, разменной монетой в большой игре.

— Береги сердце, — прошептал Генрих, и его голос становился все тише, словно затухающее пламя свечи, — или отдай его тому, кто стоит меча. Не трать его на тех, кто смотрит на тебя сверху вниз. Если уж отдавать — отдавай равному. Отдавай тому, кто заплатит тебе тем же. Потому что любовь Плантагенета... это монета, которую они никогда не возвращают.

Рука короля разжалась, и он откинулся на подушки, закрывая глаза. Его дыхание стало ровным, но было слышно, как в груди что-то клокочет при каждом вдохе.

Этьен стоял на коленях, глядя на него. Он не знал, благословил его король или проклял. Он не знал, что это — мудрость или безумие, предсмертное прозрение или агония угасающего разума.

Но он знал, что внутри него уже горит огонь, который нельзя потушить.

Он знал, что у него есть сердце, и оно уже не принадлежит ему.

За окном начинал брезжить рассвет. Серое, промозглое апрельское утро вползало в долину Вьен, цепляясь туманом за верхушки голых еще деревьев. Где-то внизу, в деревне у

подножия замка, запел петух. Заскрипела телега — крестьяне везли на рынок первые весенние овощи. Жизнь продолжалась, как она всегда продолжалась, невзирая на смерть королей.

Когда архиепископ вошел в комнату в сопровождении двух монахов с зажженными свечами, чтобы соборовать умирающего, Этьен все еще стоял на коленях. Архиепископ склонился над королем, прислушался к дыханию, перекрестился.

— Король скончался, — произнес он тихо. — Да упокоит Господь его душу.

Этьен не плакал. Он смотрел на узкое окно, за которым начинался новый день — день без Генриха, день с Ричардом. Монахи уже зажигали погребальные свечи, их желтый свет дрожал на каменных стенах.

И чувствовал, как его собственная клетка сжимается вокруг него. Замок Шинон, который когда-то казался ему воплощением свободы — с его башнями, откуда видно на много миль вокруг, с его пиршественным залом, где пели трубадуры, — теперь стал просто каменным мешком.

«Береги сердце», — повторял он про себя голосом умирающего короля.

«Но я уже не могу», — шептал его собственный голос.

«Я уже отдал его».

Он поднялся с колен, чувствуя, как затекли ноги в тяжелых кольчужных набедренниках. Архиепископ уже читал за-

упокойную молитву — *Dies irae, dies illa*, день гнева, день скорби. Снаружи, во дворе замка, уже слышались крики: гонцы седлали коней, чтобы разнести весть о смерти старого короля и восшествии нового.

Ричард, граф Пуату и герцог Аквитанский, любимый сын своей матери и проклятие своего отца, станет королем Англии.

И Этьен, связанный клятвой, пойдет за ним.

Куда бы тот ни повел.

Часть первая: Пепел Плантагенетов (1165–1173)

Глава 1. Чужой среди своих.

Винчестер, май 1169 года

Этьену казалось, что лошадь вот-вот упадет.

Она шла уже четвертый час — старая кобыла гнедой масти, с проступающими под шкурой ребрами и стертыми зубами. Этьен чувствовал, как дрожат ее бока, как она спотыкается на ухабистой дороге, размытой весенними дождями. Грязь летела из-под копыт, заляпав его шерстяные шоссы до самых колен. Он не смел подгонять ее — старый рыцарь, посланный матерью для охраны, сказал, что кобыла не выдержит. Да и сам Этьен не выдержал бы еще одной скачки. После трех дней в седле его бедра горели огнем, а кожаные башмаки насквозь промокли от переправ через вздувшиеся ручьи.

Вокруг расстилались зеленые холмы южной Англии — мягкие, пологие, покрытые сочной майской травой и белыми пятнами цветущего боярышника. В воздухе пахло мокрой землей, навозом и дымом далеких костров. В придорожных канавах квакали лягушки. Где-то высоко в сером небе заливался жаворонок. Но Этьен не замечал этой мирной красоты. Он думал только о том, что впереди — замок, в котором ему предстоит жить. Жить среди чужих. Жить без отца.

Отец умер месяц назад. Этьен помнил этот день, как туманный сон — сначала гонец в грязном плаще, забрызган-

ном дорожной грязью, потом крики матери, потом тишина, которая показалась ему громче любого вопля. Граф Тибальт де Блуа пал в битве при Ливри, сражаясь на стороне короля Генриха против восставших баронов. Ему пробили голову боевым топором — так сказал гонец, отводя глаза. Его кольчуга не спасла его. Его меч остался лежать в грязи рядом с телом. Он был храбрым рыцарем — так говорили все. Он был добрым отцом — так чувствовал Этьен, вспоминая, как отец сажал его на плечи и показывал с башни родового замка поля, уходящие к горизонту. «Когда-нибудь это все будет твоим», — говорил он. Теперь все пошло королю. И сам Этьен пошел королю.

Он остался один. И король, верный вассальному обычаю, приказал взять сына павшего вассала ко двору — на воспитание, на службу, на выучку. «Заложник чести», — прошептал управляющий их замка, старый седой ключник с дрожащими руками, когда провожал Этьена из ворот. Этьен не понял тогда, что это значит. Он думал, это значит, что король будет заботиться о нем, как о собственном сыне. Он ошибался.

Они миновали деревню — несколько жалких лачуг, слепленных из глины и соломы, с крышами из прелой тростниковой соломы. Крестьянка в грубой холщовой рубаше гнала тощую козу. Чумазый ребенок, одетый в одну только льняную рубашонку до пят, тарасился на всадников из-за плетня. Петух закричал им вслед. Все это было знакомо Этьену — он вырос среди таких же деревень, — но теперь казалось

чужим, далеким, словно он уже начал исчезать из этого мира.

— Почти приехали, — сказал старый рыцарь, указывая вперед закованной в кожаную перчатку рукой.

И тут Этьен увидел его.

Замок Винчестер вырос перед ними неожиданно, как каменная гора, рожденная из тумана. Он был огромен и подавлял своей мощью — не то что маленький замок де Блуа с одной квадратной башней и деревянным частоколом. Здесь все было из серого, грубо отесанного известняка, потемневшего от времени и дождей. Массивные стены толщиной в три человеческих роста поднимались прямо из земли, словно скалы. Зубчатые башни, квадратные и круглые, венчали углы. Узкие бойницы, похожие на подозрительные глаза, смотрели на мир с холодным любопытством. За главной надвратной башней виднелась квадратная громада донжона — самой высокой башни замка, где жил король. Этьен запрокинул голову, пытаясь разглядеть верхушку, и у него закружилась голова.

Их лошадь фыркнула и остановилась у подъемного моста, перекинутого через ров. Вода во рву была зеленой, затянутой ряской, и воняла гнилью и нечистотами. На деревянном настиле моста гремели копыта.

— Кто едет? — крикнул стражник, перегнувшись через парапет надвратной башни. Он был в кольчуге и коническом шлеме с наносником, на плечах — выцветший сюрко с гер-

бом Плантагенетов: три золотых леопарда на алом поле.

— Этьен де Блуа, — ответил старый рыцарь, откидывая капюшон дорожного плаща. — Сын графа Тибальта. Король приказал доставить его.

Стражник окинул мальчика взглядом — оценивающим, равнодушным, как у торговца на ярмарке, разглядывающего скот.

— Проезжайте.

Этьен въехал под своды надвратной башни, и сердце ухнуло вниз. Внутренний двор Винчестера был огромен — целая площадь, вымощенная булыжником, с колодцем посередине и виселицей в углу. Здесь было шумно,людно, страшно.

Воины в кольчугах чистили мечи, сидя на деревянных колодах. Их длинные миндалевидные щиты, расписанные гербами, стояли у стен. Оруженосцы таскали охапки соломы, чтобы бросить ее в грязь, — солома впитывала конский навоз и мочу, и все равно во дворе стоял тяжелый запах. Служанки в серых шерстяных платьях, подоткнутых для удобства, бегали с кувшинами, лавируя между лужами. Одна из них, босая, с покрасневшими руками, мельком взглянула на Этьена и тут же опустила глаза. Собаки, тощие волкодавы с обрубленными хвостами, грызлись за кость в углу. Где-то ржал конь, и кузнец звонко бил молотом по наковальне в своей мастерской у ворот.

В центре двора, на грубо сколоченной деревянной платформе, стоял мужчина в заляпанном грязью охотничьем

плаще из толстой фламандской шерсти и что-то громко кричал. Вокруг него сгрудились придворные — бароны в отороченных мехом коттах, епископы в пурпурных мантиях, секретари с восковыми табличками. Этьен разобрал только одно слово: «Предатели!»

Это был король.

Этьен никогда не видел его так близко. Генрих II был невысок — не выше среднего рыцаря, — но широк в плечах, с мощной грудью и сильными руками. Его рыжеватая с проседью борода была коротко подстрижена по моде нормандских баронов. Одет он был без королевской пышности — простой шерстяной котт, кожаные штаны, стоптанные сапоги со шпорами, — но от него исходила такая власть, что люди невольно пятились. Его серые, быстрые, беспокойные глаза метались по двору, как ястреб в поисках добычи. Он размахивал руками, и его голос, низкий и раскатистый, заглушал шум всего двора.

— Мои сыновья! — кричал король. — Мои сыновья, которых я кормил, которых я одевал, которых я учил владеть мечом, — они подняли против меня оружие! И за кого? За мать! За эту ведьму, которую я заточил в башню!

Этьен вздрогнул. Он не знал, что значит «заточил в башню», но в голосе короля было столько ярости, столько нерасстраченной ненависти, что у мальчика задрожали колени.

— Спокойнее, сир, — сказал один из придворных, седой епископ в пурпурной мантии с золотым шитьем. В руке он

держал посох с завитком из слоновой кости. — Мальчики — всего лишь мальчики. Они одумаются. Они вернутся.

— Вернутся?! — Генрих расхохотался, но смех его был похож на рык раненого зверя. — Они никогда не вернутся! Они продали меня французскому королю! Они отрезали мне крылья, а теперь ждут, когда я упаду. Но я не упаду! Я — король Англии, и я сокрушу любого, кто поднимет руку на меня! Даже если этот кто-то — моя собственная кровь!

Толпа загудела. Придворные переглядывались, пряча глаза. Старый барон в собольем плаще покачал головой. Молодой рыцарь с соколом на перчатке — знаком благородного происхождения — что-то шепнул соседу. Но Этьен смотрел не на короля.

Он смотрел на мальчика, который стоял в углу двора, у колодца с деревянным воротом.

Мальчик был младше короля, но старше самого Этьена — может быть, лет двенадцати или тринадцати. Он был красив той особенной красотой, что бывает только в ранней юности: светлые волосы, густые и непослушные, настоящая львиная грива, откинутаая назад; голубые глаза, в которых горел странный, почти лихорадочный огонь. Одет он был богато, как принц: синяя котта из тонкого фламандского сукна, подпоясанная кожаным ремнем с серебряными бляшками, на ногах — мягкие кожаные сапожки с отворотами. На плече плащ, подбитый беличьим мехом — *vair*, как его называли знатоки моды. Но одежда сидела на нем небрежно,

словно он не замечал ее, словно она была ему безразлична.

Он стоял чуть поодаль от отца, сжав кулаки, и Этьен видел, как его плечи дрожат. Но не от страха. От ярости. В руках мальчика был деревянный меч, грубо сколоченный, с нацарапанным на рукояти гербом — тот же лев, что был на щитах стражников. Он сжимал его так сильно, что костяшки побелели. А рядом с ним стоял молодой священник-наставник в черной сутане и что-то шептал ему на ухо, увещевая, успокаивая, но мальчик не слушал. Он смотрел на отца и ждал.

Король вдруг замолчал. Повисла пауза — тяжелая, вязкая, как воздух перед грозой. Генрих повернулся и заметил сына.

— А, Ричард, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка, смешанная с усталостью. — Мой храбрый воин. Мой маленький львенок. Что ты там делаешь? Играешь в солдатики? Или готовишься к мятежу?

Мальчик шагнул вперед. Толпа расступилась перед ним, словно воды моря перед жезлом Моисея. Его голос, еще не сломавшийся, мальчишеский, но уже с низкими, глубокими нотками, прозвучал громко и твердо:

— Я хочу поговорить с тобой, отец.

— О чем, сын мой? — Генрих скрестил руки на груди и улыбнулся — но улыбка была жесткой, как клинок. — О том, как ты и твои братья продали меня французам? Или о том, как ты хочешь мою корону?

— Я не продавал тебя! — Ричард почти крикнул, и его

голос сорвался. — Я хотел... я хотел просто сказать тебе, что ты неправ! Ты заточил мою мать! Ты не даешь ей видеть нас! Ты держишь ее в башне, как преступницу, а она королева! Она твоя жена!

— Ты смеешь читать мне нотации, щенок?! — Генрих шагнул к сыну, и люди отпрянули. — Ты, который не умеет даже держать настоящий меч! Ты, который плакал, когда тебя впервые посадили на коня!

— Я умею! — Ричард вскинул свой деревянный меч. — Я тренировался!

— На игрушках? — Король расхохотался, запрокинув голову. — Посмотри на себя, Ричард. Ты даже не настоящий мужчина. Ты мальчик, который играет в войну, пока его отец правит королевством. Хочешь быть воином? Докажи это. Сразись со мной.

В толпе пронесся испуганный шепот. Епископ шагнул вперед, вскинув руку:

— Сир, он же ребенок...

— Я знаю, кто он! — Генрих оттолкнул епископа. — Он мой сын. Моя плоть и кровь. И если он хочет бросить мне вызов, он получит его. Таков наш обычай. Так меня учил мой отец, и так я учу своих детей.

Ричард поднял меч. Его лицо побледнело, но глаза горели — два синих огня на белом лице. Он сделал шаг к отцу — и вдруг со всей силы швырнул деревянный меч на землю. Тот ударился о булыжники и треснул надвое с сухим, звонким

треском.

— Ты не уважаешь мою мать! — закричал Ричард, и его голос сорвался в крик, звонкий, отчаянный. — Ты не уважаешь меня! Ты не уважаешь никого, кроме себя! Ты думаешь, что ты король, но ты просто... ты просто...

Он не договорил. Слезы хлынули из его глаз, и он развернулся и побежал прочь, расталкивая придворных, не оглядываясь. Его плечи вздрагивали, и дорогой плащ хлестал по ногам.

Вокруг воцарилась тишина — такая глубокая, что слышно было, как воркуют голуби под крышей донжона. Генрих смотрел вслед сыну, и его лицо было как каменная маска, высеченная на саркофаге. Он не двинулся с места. Он ничего не сказал. Только епископ мягко коснулся его рукава:

— Сир, он просто ребенок...

— Ребенок, который бросил мне вызов на глазах у всего двора, — ответил король, и в его голосе не было ни гнева, ни жалости. Только бесконечная усталость. — Но он мой сын. Я прощу ему. Я всегда прощаю. А потом... потом он вернется и попросит моего прощения. Такова наша семья. Такова наша кровь. Мы рвем друг друга на части, а потом просим прощения. Это наш танец.

Он повернулся и ушел в замок — в высокую стрельчатую дверь донжона, над которой был высечен герб Плантагенетов. Толпа начала расходиться, перешептываясь, пряча глаза. Придворные расходились по своим делам — кто в ко-

нюшню, кто в псарню, кто в большой зал, где уже накрывали столы к обеду.

И только Этьен стоял на месте, глядя туда, где скрылся Ричард.

Старый рыцарь, сопровождавший его, подошел ближе, хрустя булыжником под кованными сапогами.

— Ты что, замерз, мальчик?

— Нет, — прошептал Этьен. — Я просто... он плакал.

— Кто?

— Принц.

Рыцарь усмехнулся в седую бороду.

— Они все плачут, мальчик. Они плачут и смеются, и убивают друг друга. Это не жизнь — это театр, лицедейство. И ты теперь часть его. Запомни: никогда не показывай слабости при этих людях. Они как волки — учуют страх и съедят тебя, не подавившись. А теперь пойдем, надо найти тебе угол в казарме и миску похлебки. Ты, небось, не ел со вчерашнего дня.

Но Этьен не слушал его. Он подошел к тому месту, где на булыжнике валялся треснувший деревянный меч. Наклонился и поднял его.

Меч был грубый, сколоченный из двух планок — такие делают оруженосцам для тренировок. Но на рукояти кто-то заботливо вырезал герб: лев, стоящий на задних лапах, с высунутым языком. Ram-rant — так называли эту позу геральдисты. Лев был так же красив и так же одинок, как мальчик,

который швырнул его на камни.

Этьен вдруг понял, что принц Ричард ему не страшен. Он ему жалок.

И это было странное чувство — жалеть кого-то, кто выше тебя ростом, кто старше, кто носит одежду из тонкого фламандского сукна, подбитого беличьим мехом, а не грубую шерсть, как у самого Этьена. Но в этом мальчике было что-то настоящее — боль, ярость, желание быть услышанным. Желание, чтобы отец посмотрел на него не как на пешку, а как на человека.

И Этьен поклялся себе: если когда-нибудь у него будет сила, он защитит этого мальчика. Хотя бы от его собственного отца.

Он спрятал обломок меча под плащ и пошел за рыцарем в замок, который теперь станет его домом. Домом, где живут принцы, которые плачут. Короли, которые смеются над своими детьми. И люди, которые умирают, как его отец, — за честь, за верность, за что-то, чего нельзя потрогать руками.

Они вошли в донжон через низкую стрельчатую дверь. Внутри было темно и холодно. Каменная винтовая лестница уходила вверх, в темноту. Где-то наверху слышались голоса, смех, звон посуды. Пахло дымом, жареным мясом, свечным воском и еще чем-то — сыростью, плесенью, временем.

Этьен не знал тогда, что эта клятва изменит всю его жизнь. Он не знал, что через четырнадцать лет будет стоять у смертного одра другого Плантагенета и вспоминать этот

день.

Но сейчас, на закате мая 1169 года, он просто был мальчиком, который потерял отца и нашел вместо него львиное сердце. Мальчиком, который вошел в ворота Винчестера и оставил за спиной все, что знал. Мальчиком, который еще не ведал, что его ждет — война, плен, любовь и смерть.

Он просто поднимался по темной лестнице вслед за старым рыцарем, сжимая под плащом сломанный деревянный меч.

Глава 2. Девочка с глазами цвета моря.

Винчестер, июль 1169 года

Этьен заблудился.

Это было удивительно, потому что замок Винчестер был не так уж велик — по крайней мере, по сравнению с теми каменными громадами, о которых он слышал в рассказах отца. Но в коридорах было так много поворотов, винтовых лестниц, внезапных тупиков, и все они казались одинаковыми: серый камень, грубо отесанный и потемневший от времени, факелы в железных кольцах на стенах, чадающие и бросающие пляшущие тени, холодный сквозняк, гуляющий по переходам, от которого хотелось завернуться в плащ. Стены здесь были невероятно толстыми — в рост взрослого мужчины, — и в нишах кое-где стояли деревянные статуи святых с облупившейся позолотой. Под ногами хрустела солома, которую слуги разбрасывали по полу, чтобы впитывать сырость.

Этьен прошел уже третий круг, и каждый раз оказывался у одной и той же двери с вырезанным на ней дубовым листом — знаком королевского лесничего, как он позже узнал. Его кожаные башмаки промокли от сырости каменных плит, шерстяные шоссы прилипли к ногам. Он был один. Это был его второй месяц при дворе, и он все еще чувствовал себя чу-

жим, как неприкаянный щенок, прибившийся к чужой псарне.

Другие мальчики — пажи и оруженосцы в синих и зеленых коттах своих господ — избегали его. Они смотрели на него с насмешкой, шептались за спиной, прикрывая рты ладонями: «Сынок графа, который предал короля?» — «Нет, глупец, его отец погиб за короля. Он теперь сирота. Король сжалился». — «Сжалился? Ха! Он взял его в заложники. Если семья де Блуа взбунтуется, король отрубит мальчишке голову, как куропатке». При этих словах они проводили ребром ладони по горлу и скалили зубы.

Этьен не знал, что из этого правда. Он знал только, что его мать не писала ему уже месяц — ни единой весточки с родовых земель, ни единой строчки на пергаменте, запечатанной воском с фамильным гербом. Слуги смотрели сквозь него, как сквозь пустое место. Когда он садился за общий стол в большом зале — длинные дубовые доски на козлах, — ему доставались худшие куски: объедки с господского стола, черствый хлеб, разбавленное пиво. Он был призраком в этом замке. Призраком, который искал выход.

Он открыл еще одну дверь — не дубовую, обитую железом, а низкую, почти незаметную в толще стены, — и замер. Это была библиотека.

Этьен никогда не видел столько книг. Они стояли на деревянных полках, от пола до потолка, в тяжелых кожаных переплетах с медными застежками и уголками, защищавшими

пергамент от сырости. На корешках золотом горели незнакомые латинские буквы. Некоторые книги были прикованы к полкам железными цепями — так ценили их. В воздухе пахло старым пергаментом, горячим воском от оплывших свечей и еще чем-то сладким — сушеными травами, лавандой и полынью, которые клали между страниц, чтобы отпугнуть моль и крыс.

Узкое окно, забранное ромбовидным свинцовым переплетом со вставленными пластинами полупрозрачного рога, пропускало мягкий, рассеянный свет. В этом свете, в котором медленно танцевали пылинки, сидела девочка.

Она была маленькой — младше Этьена, может быть, лет восьми или девяти. На ней было простое, но добротное платье из синей шерсти с длинными рукавами, расшитыми по краю серебряной нитью — знак благородного происхождения, пусть и не самого высокого. На ногах — мягкие кожаные туфельки без задников, расшитые цветным бисером. Темные волосы, спутанные и непослушные, как у дикого зверька, были перехвачены простой льняной лентой. Но глаза — светло-карие, почти золотистые, с зеленоватым отливом, как море в пасмурный день, — поразили его. Такого цвета он не видел никогда.

Она сидела на каменном подоконнике, поджав под себя ноги по-турецки, и держала на коленях огромную книгу — такую тяжелую, что ее тонкие ручки, казалось, вот-вот устанут. Книга была раскрыта посередине, и на пергаментных

страницах пестрели яркие миниатюры — синие, красные, золотые рыцари на конях, с копьями наперевес.

Она не заметила Этьена. Она была полностью погружена в чтение, ее губы шевелились, беззвучно повторяя латинские слова, а тонкий пальчик водил по строкам, касаясь их почти с нежностью.

Этьен сделал шаг вперед. Половица под соломой предательски скрипнула.

Девочка подняла голову, и их взгляды встретились.

— Кто ты? — спросила она. Ее голос был спокойным, без страха, даже без удивления. Она смотрела на него так, будто он не был незнакомцем, будто она ждала его здесь все это время.

— Я... я Этьен, — сказал он и запнулся, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Этьен де Блуа. Я... я новенький. Я заблудился. Я искал выход.

— В замке легко заблудиться, — сказала девочка и улыбнулась. — Я тоже иногда заблуждаюсь. Но потом нахожу путь. У каждого лабиринта есть центр, надо просто знать, где ты хочешь оказаться.

Она похлопала рукой по подоконнику рядом с собой — жестом маленькой хозяйки, привыкшей распоряжаться.

— Садись. Ты мешаешь свету. Я не вижу букв.

Этьен послушно сел. Подоконник был холодным, камень проникал сквозь шерстяные штаны, но рядом с ней ему было тепло. Он чувствовал себя неуклюжим, большим, как мед-

ведь на ярмарке, рядом с этой миниатюрной девочкой. Его руки, уже начавшие грубеть от упражнений с деревянным мечом, казались лапами. Она снова опустила взгляд в книгу, и он видел, как ее глаза — быстрые, внимательные — пробегают по строкам справа налево.

— Что ты читаешь? — спросил он, просто чтобы прервать молчание, которое казалось ему слишком долгим, слишком значительным.

— Хронику, — ответила она, не поднимая головы. — Гальфрида Монмутского. О короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Это мой любимый рассказ. Здесь есть Ланселот, Гвиневра, Мерлин... И меч Экскалибур, который сверкал ярче тысячи факелов.

Этьен удивился.

— Ты умеешь читать?

— А разве я выгляжу неграмотной? — Девочка подняла глаза, и в них мелькнула насмешка, острая, как кончик кинжала. — Я учусь с трех лет. Моя мать говорит, что женщина должна уметь читать, чтобы не быть обманутой — чтобы никто не мог прочесть ей фальшивое письмо и выдать за правду. Мой отец говорит, что это лишнее, что женщине довольно молитвенника. Но я читаю все равно. Я читаю все, что попадается мне в руки.

Она указала на полки.

— Здесь есть хроники, жития святых, трактаты о войне, даже медицинские книги — вот эта, с красным корешком,

учит, как прижигать раны. Я прочла почти половину.

— Ты... ты же девочка, — сказал Этьен и тут же пожалел об этом. Слова вырвались раньше, чем он успел их обдумать. — Зачем тебе читать о войнах? О прижигании ран?

Девочка закрыла книгу с глухим стуком, и облачко пыли поднялось от страниц. Она посмотрела на него так, что Этьену стало не по себе. В ее взгляде было что-то взрослое, почти старческое — как у тех монахов в черных рясах, которых он видел в соборе, когда они читали проповеди о Страшном суде.

— А ты, мальчик, зачем тебе меч? — спросила она, и ее голос стал серьезным, без тени улыбки. — Ты носишь его на поясе, хотя еще не умеешь им пользоваться. Я видела тебя во дворе — ты машешь им, как палкой. Ты смотришь на него, как на игрушку. Но я видела, как настоящие воины держат мечи. Они не играют. Меч — это не игрушка, Этьен де Блуа. Это оружие. А оружие нужно только для одного — защищать. Защищать свою жизнь, свою честь, тех, кого любишь.

Она наклонила голову, и ее темные волосы упали на лицо. Льняная лента соскользнула, но она не поправила ее.

— Если мы не будем уметь защищать себя, нас просто обменяют на золото. Как старую монету. Как бесполезную вещь на ярмарке. Моя бабушка, королева Элеонора, сидит в темнице уже много лет. Она умела защищать себя — она возглавляла армии, она правила Аквитанией, она спорила с Папой Римским. Но этого оказалось мало. Ее заточили, пото-

му что она была женщиной и потому что она была сильной. Понимаешь? Ее наказали за силу. Если бы она была слабой, ее бы убили. Если бы она была глупой, ее бы обманули. Она была сильной и умной — и за это ее наказали. Таков этот мир.

Этьен молчал. Он не знал, что ответить. В его мире женщины сидели в башнях, вышивали гобелены, рожали детей и молились. Они не говорили о войне, не читали хроник, не смотрели на мальчиков так, будто видят их насквозь.

Девочка посмотрела на него с любопытством, и ее взгляд смягчился.

— Ты не похож на других мальчиков, — сказала она вдруг. — Они либо боятся меня, потому что я — внучка короля, и кланяются, как слуги, либо презирают, потому что я девочка, и смеются надо мной. А ты просто смотришь. Как будто видишь во мне человека. Не королевскую внучку, не девочку, не пешку. Человека.

— А кто ты? — спросил Этьен, и голос его осип от волнения.

— Элеонора, — сказала она просто. — Элеонора Бретонская. Моя мать — Констанция, герцогиня Бретани. Мой отец — Джефффри, сын короля. Я — племянница принца Ричарда. Ты его видел? Он мой дядя. Он бывает здесь иногда, когда приезжает со своим двором из Аквитании. Он всегда дает мне засахаренные фрукты — здесь их называют конфетами, — и рассказывает о сражениях. О том, как он воевал в Пуа-

ту, как брал замки. Он говорит, что я похожа на свою бабушку, когда она была молодой. Говорят, она была красавицей, и трубадуры слагали о ней песни. А меня называют красавицей только потому, что я — дочь графа и внучка короля.

Этьен улыбнулся — впервые за много недель.

— Ты не просто дочь графа, — сказал он, сам не зная, откуда берутся эти слова. — Ты... ты сама себе госпожа.

Элеонора рассмеялась — звонко, чисто, как смеются дети, которые вдруг поняли, что нашли друга. Смех эхом отозвался под каменными сводами библиотеки.

— Ты хороший, Этьен, — сказала она. — Хороший и честный. Таких мало при дворе. Здесь все лгут. Я хочу показать тебе кое-что.

Она спустилась с подоконника и потянула его за рукав. Ее пальцы были маленькими, но хватка — на удивление крепкой. Он пошел за ней, чувствуя странное тепло в груди — то, которого не чувствовал с того дня, как умер отец. Тепло, похожее на огонь в очаге, когда сидишь рядом с ним долгим зимним вечером.

Она привела его к окну в конце коридора — широкому, с настоящим стеклом, не рогом, вставленным в свинцовый переплет. За ним открывался вид, от которого захватывало дух: зеленые холмы, бесконечные, уходящие к горизонту, покрытые сочной июльской травой и пятнами диких цветов. Вдали, в голубоватой дымке, виднелась река Итчен, похожая на серебряную ленту, брошенную на зеленый бархат. Над ре-

кой кружили птицы. Справа виднелась деревня — несколько десятков крытых соломой крыш, над которыми поднимался дымок. Слева — темная полоса королевского леса, где Генрих охотился на оленей.

— Смотри, — сказала Элеонора, и ее голос стал тихим, мечтательным. — Я прихожу сюда, когда мне грустно. Здесь ветер, и он пахнет свободой. Не дымом, не свечами, не людьми — а травой, рекой, дальними холмами. Я смотрю на это и думаю: когда я вырасту, я уеду отсюда. Я не хочу быть заложницей. Я не хочу сидеть в клетке, как моя бабушка в Солсбери, и смотреть на мир сквозь решетку. Я хочу быть как король Артур — знать, что я что-то значу. Что моя жизнь — это не просто... монета. Не просто разменная фигура в игре мужчин.

Этьен посмотрел на нее, и его сердце сжалось. Она была маленькой. Она была хрупкой — тонкие запястья, узкие плечи, детский профиль. Но в ее словах было столько силы, столько внутреннего огня, что ему казалось — она может сдвинуть горы, если захочет. Она была как те святые девы на витражах собора — маленькие, но держащие в руках меч или крест, побеждающие драконов.

— Я помогу тебе, — сказал он и сам удивился своим словам. Они вырвались прежде, чем он успел их обдумать, прежде чем он успел испугаться. — Если я смогу... когда я стану рыцарем... я помогу тебе.

Элеонора повернулась к нему, и ее глаза сияли, как море,

в которое упало солнце.

— Обещаешь?

— Обещаю.

На мгновение они просто стояли и смотрели друг на друга — мальчик в грубой шерстяной тунике, с мозолями на руках от меча, и девочка в синем платье с серебряной вышивкой, с глазами цвета осеннего моря. Между ними не было сказано больше ни слова, но в этот момент родилось что-то, что останется с ними навсегда. Что-то, что нельзя разбить мечом, отнять короной, обменять на золото.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что согреет его в холодные ночи в палатке под Акрой, в сырых камерах немецких замков, в последние дни его жизни.

— Тогда решено, — сказала она деловым тоном, который так не вязался с ее возрастом. — Ты будешь моим рыцарем, Этьен де Блуа. А я... я буду ждать тебя.

Она была девочкой с глазами цвета моря. Ей было девять лет, и она уже знала, что мир жесток, а свобода — это то, за что надо бороться.

И он поклялся себе — в тот самый миг, стоя у окна с видом на зеленые холмы Англии, — что никогда не позволит никому обменять ее на золото.

Глава 3. Урок крови.

Замок Ричмонд, сентябрь 1173 года

Этьену было тринадцать лет, когда он впервые услышал, как свистит стрела, пролетающая над его головой. Звук был тонкий, злой — как рассерженная оса, только смертоноснее. Стрела ударилась о каменную кладку зубца в двух футах от его лица, высекла искру и упала вниз, на залитый кровью булыжник двора.

Он стоял на стене замка Ричмонд вместе с другими защитниками и смотрел вниз, на бесконечное море шлемов и копий. Замок был старый, построенный еще при Вильгельме Завоевателе, — массивный донжон из серого песчаника, квадратные башни, стены толщиной в три копия, — но сейчас он казался Этьену хрупким, как яичная скорлупа. Армия мятежников — три принца, три сына короля — растянулась по долине Суэйла, как живая река, готовая поглотить их. Лагерь мятежников дымил сотнями костров, пестрел разноцветными шатрами и знаменами. Оттуда доносился ритмичный грохот барабанов и визг волюнок.

— Держать строй! — кричал старый рыцарь, тот самый, что привез его в Винчестер четыре года назад. Теперь его седая борода стала еще белее, но голос не потерял силы. Он был в полном боевом облачении: кольчуга-хауберк до колен, поверх нее — выцветший сюрко с гербом Плантагенетов, ко-

нический шлем с наносником, на руках — кожаные перчатки с нашитыми железными кольцами. — Не высовываться! Держать щиты!

Этьен сжимал древко копья так сильно, что костяшки побелели. Копье было тяжелым, ясеневым, с железным наколочником-листом, и его ладони, еще не привыкшие к настоящему оружию, покрылись волдырями. Его сердце колотилось где-то в горле, а ноги дрожали, хотя он пытался стоять неподвижно. Он был мальчиком, одетым в чужую кольчугу — она была ему велика, свисала с плеч, и старый рыцарь велел подпоясаться веревкой, чтобы не спотыкаться, — но сегодня он должен был стать мужчиной.

Внизу, на холме, он увидел их. Три знамени развевались на сентябрьском ветру: красное с золотым львом — Ричарда, золотое с алыми полосами — Генриха Молодого, черное с белым крестом — Джефффри Бретонского. Они стояли рядом, братья, объединившиеся против собственного отца. Вокруг них суетились оруженосцы, рыцари в дорогих доспехах, конные сержанты в кожаных бригадинах. Лошади гарцевали, взбивая копытами грязь.

— Смотри, — прошептал старый рыцарь, указывая обломанным ногтем. — Это твой принц. Тот, кому ты будешь служить, если выживешь.

Этьен смотрел на Ричарда. Принц, которому теперь было шестнадцать, сидел на огромном черном дестриэ — боевом коне, стоившем целого поместья. Даже с расстояния бы-

ло видно, как он возбужден: он размахивал мечом, длинным прямым клинком с крестовидной гардой, что-то кричал своим солдатам, и его голос, молодой и звонкий, перекрывал даже грохот барабанов. На нем был начищенный до блеска хауберк, на плечах — алая накидка, на голове — шлем с золотым обручем, знаком принца крови.

— Он красивый, — сказал Этьен, сам не зная зачем.

— Красивый, — согласился рыцарь, сплевывая через щербатые зубы. — Как лев. Но он враг. Запомни это, мальчик. Сегодня он не твой принц. Сегодня он тот, кто может убить тебя. И ты должен быть готов убить его. На войне нет друзей. Есть только живые и мертвые.

Этьен не знал, сможет ли он. Он помнил тот день в Винчестере, когда Ричард плакал, швырнув на землю сломанный деревянный меч. Помнил его глаза, полные слез, и дрожащие плечи, и то, как он бежал через двор, расталкивая придворных. Как можно убить того, кто умеет плакать? Как можно вонзить меч в человека, которого ты пожалел?

Осада началась с грохота камнеметов.

Тяжелые валуны, обмотанные просмоленными веревками и подожженные, ударяли в стены, и земля дрожала под ногами, как при землетрясении. Этьен пригибался каждый раз, когда камень врезался в кладку, и чувствовал, как мелкая крошка сыплется на его голову, на плечи, забивается под кольчугу. Вокруг него падали люди — одни кричали, выкрикивая имена жен и матерей, другие молчали, хватая ртом

воздух с пробитой грудью. Кровь текла по камням, как ручьи после весеннего дождя, темная, почти черная в сумерках. Воздух пропитался запахом гари, пыли и медным запахом свежей крови.

— Копья! — крикнул кто-то срывающимся голосом. — Лестницы! Они ставят лестницы!

Этьен увидел их — длинные деревянные лестницы с железными крючьями на концах, которые цеплялись за край стены. И фигуры в кольчугах, карабкающиеся вверх, как муравьи по стволу дерева. Их было много — десятки, сотни, — и они лезли быстро, цепляясь за перекладины, прикрываясь круглыми щитами от стрел.

Этьен отбросил копье — слишком длинное для ближнего боя — и выхватил меч. Это был настоящий рыцарский меч, доставшийся ему от старого рыцаря, — длинный, в три фута, с кожаной оплеткой рукояти и тяжелым яблоком на вершине. Он все еще был тяжел для тринадцатилетнего мальчика, но адреналин придавал сил.

Он бросился к краю стены, готовясь ударить первого, кто покажется над зубцами. Сердце колотилось так, что заглушало все звуки боя.

Рука в железной перчатке — кольчужной, с нашитыми стальными пластинками — ухватила за край стены. Пальцы впились в камень. Показался шлем, плечи, щит с гербом — скрещенные мечи. Этьен ударил, не думая, — просто рубанул сверху вниз, как учили на тренировках. Клинок вошел

в плоть между шлемом и плечом, туда, где кольчуга была тоньше. Крик — нечеловеческий, захлебывающийся. Кровь ударила фонтаном, горячая, брызнула Этьену в лицо. Тело откинулось назад и полетело вниз, ломая перекладыны лестницы, увлекая за собой еще двоих.

Этьен ударил снова. И снова. И снова.

Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, час. Может быть, день. Время в бою текло иначе — оно то растягивалось, как патока, то сжималось в один миг. Он сражался, как одержимый, не чувствуя ни усталости, ни страха, ни боли в изрезанных осколками камня ладонях. В голове билась только одна мысль: «Я должен выжить. Я должен защитить ее».

Когда штурм был отбит и трубы мятежников протрубили отступление, Этьен стоял среди тел, опираясь на меч обеими руками, и чувствовал, как его ноги дрожат, словно после долгой скачки. Его кольчуга была залита кровью — чужой, только чужой. Он поднял руку и увидел, что она тоже в крови. Кровь уже начала засыхать, стягивая кожу темной коркой.

— Ты жив, — сказал старый рыцарь, подходя к нему. Его собственный меч был зазубрен, шлем помят, но сам он, казалось, даже не запыхался. — Молодец. Первый бой — самый трудный. Дальше будет легче.

Этьен не ответил. Он смотрел на небо, которое начинало розоветь на востоке над холмами Йоркшира. Где-то пела

одинокая птица, не обращая внимания на мертвых. И он думал — мысль была ясной и холодной, как родниковая вода: «Я убил человека. Я убил человека сегодня. Я отнял у него жизнь. У него, может быть, была жена, дети, мать. А я отнял его у них».

Позже, когда тела сбросили со стен в ров и на скорую руку прочли заупокойную молитву, Этьен спустился в подвал замка. Это было мрачное место со сводчатым потолком, бочками солонины и эля, мешками муки, крысами, шныряющими по углам. Вдоль стен стояли деревянные скамьи, на которых сидели женщины и дети защитников. Там, в углу, за бочкой с уксусом, он нашел Элеонору.

Ей было уже двенадцать, она вытянулась, но все еще оставалась хрупкой, как тростинка. На ней было теплое шерстяное платье с капюшоном — в подвале было холодно, несмотря на сентябрь, от каменных стен тянуло подземной сыростью. Она сидела, сжавшись в комок, обхватив колени руками. Ее лицо было белым, как мел, а под глазами залегли темные круги. Но когда она увидела его — грязного, в помятой кольчуге, с чужой кровью на лице, — она улыбнулась.

— Ты жив, — сказала она, и в ее голосе было столько облегчения, что у Этьена защипало в глазах.

— Да, — ответил он, опускаясь на грязный пол рядом с ней. — Я жив.

— Я молилась за тебя. Я молилась всю ночь. Святому Михаилу, покровителю воинов, и Святой Деве, и даже святому

Христофору, хотя у меня не было его образа.

Он сел рядом с ней и взял ее за руку. Ее пальцы были холодными как лед, тонкими и дрожащими. Он сжимал их, не отпуская, чувствуя, как ее дрожь постепенно утихает.

— Я обещал тебе, — сказал он, глядя на их переплетенные пальцы — ее, чистые, и его, покрытые коркой запекшейся крови. — Я защищу тебя. Я всегда буду защищать тебя.

Она положила голову ему на плечо, прямо на холодную кольчугу, и он почувствовал, как ее дыхание становится спокойнее, ровнее. Она пахла лавандой и дымом. Они сидели так, пока сквозь узкое, забранное решеткой окошко под потолком не начал пробиваться серый утренний свет.

А потом тяжелая дубовая дверь подвала со скрипом отворилась, и в проеме показалась фигура.

Это был Ричард.

Он вошел медленно, пригнувшись, чтобы не задеть прилоку. Он был высок для своих шестнадцати лет. Весь — с ног до головы, от шлема до сапог — он был в крови. Его хауберк был забрызган алым, его меч в ножнах еще дымился — кровь не успела остыть. Его лицо, осунувшееся после долгой ночи боя, казалось высеченным из камня.

Но когда он увидел Элеонору, его лицо изменилось. Ярость, горевшая в глазах, исчезла, словно ее смыло волной. Осталась только нежность — глубокая, почти болезненная. Так смотрит лев на своего львенка.

— Маленькая львица, — сказал он, и его голос, хриплый

после криков, прозвучал неожиданно мягко. — Ты цела.

Он опустился на одно колено — прямо на грязный каменный пол, не замечая ни грязи, ни крысиного помета, — и поцеловал ее в лоб. Его губы оставили на ее коже пятнышко крови.

— Не бойся, — сказал он. — Я никогда не причиню тебе боли. Ты — моя плоть и кровь. Твой отец, мой брат Джефффри, ошибся, когда пошел против моего отца. Но я прощу его, и я прощу тебя за его грехи. Ты не отвечаешь за отца, маленькая львица.

Этьен смотрел на них и чувствовал, как его сердце бьется где-то в горле, медленно и тяжело, как похоронный колокол. Он видел зверя, который только что убивал людей на стенах, — он слышал его крик «Бей! Руби!» — и он видел человека, который любил свою семью, который мог склониться перед маленькой девочкой и поцеловать ее в лоб. Это было странно. Это было страшно. Это было... реально. Так устроен мир, понял он. В одном человеке живут и зверь, и святой.

Ричард поднялся с колена и впервые посмотрел на Этьена. Взгляд его голубых глаз был острым, оценивающим. Он скользнул по помятой кольчуге, по окровавленному мечу, по лицу мальчика, на котором застыло выражение усталости и решимости.

— Ты охраняешь их? — спросил он.

— Да, сир, — ответил Этьен, глядя ему прямо в глаза, как учил отец. — Я охраняю ее.

Ричард кивнул, и что-то мелькнуло в его взгляде — уважение? узнавание?

— Хорошо. Продолжай.

Он повернулся и вышел, пригнувшись в дверном проеме, оставляя за собой тяжелый запах крови и пота — запах войны. Его шаги затихли на каменной лестнице.

Этьен выдохнул — он и не заметил, что все это время не дышал.

Элеонора подняла голову с его плеча и посмотрела на дверь, за которой исчез ее дядя.

— Он страшный, — прошептала она. — Но он любит меня.

— Да, — сказал Этьен. — Он любит тебя. И это, наверное, единственное, что имеет значение.

Он не знал тогда, что эта встреча — в подвале осажденного замка, среди бочек и крыс, — определит всю его дальнейшую жизнь. Что он будет служить этому человеку, который умеет убивать и умеет любить. Что он пойдет за ним в Палестину, будет стоять рядом в битве при Арсуре, будет сидеть с ним в немецкой темнице. Что он отдаст ему всю свою жизнь.

Но сейчас, сентябрьским утром 1173 года, он просто держал за руку девочку с глазами цвета моря и смотрел, как в узкое окошко подвала пробивается рассвет.

Он выжил. Она выжила. И это было все, что имело значение.

Часть вторая: Коронованный воин (1189–1190)

Глава 4. Первая победа: Осада Тайльбура

Замок Тайльбур, июнь 1179 года

— Ты когда-нибудь видел такое? — спросил Ричард.

Этьен покачал головой. Ему было девятнадцать, и за десять лет при дворе он повидал немало замков — Винчестер, Лондонский Тауэр, Дувр, Шинон, — но то, что он увидел сейчас, заставило его замереть.

Они стояли на вершине мелового холма, поросшего колючим кустарником и диким тимьяном. Июньское солнце палило нещадно — в этих краях, на полпути между Ангулемом и Сентом, лето наступало рано и жестоко. Цикады звенели в траве, воздух дрожал от зноя. От реки Шаранты, огибавшей замок, поднималось влажное марево.

Внизу, в долине, высился замок Тайльбур.

Это была не просто крепость — это было каменное чудо, высеченное словно из самой скалы. Замок стоял на гигантском известняковом утесе, который поднимался прямо из вод Шаранты, огибавшей его с трех сторон. Стены, казалось, вырастали из камня естественным продолжением скалы — массивные, сложенные из крупных, грубо отесанных квадратов песчаника, потемневших от времени и дождей. Три ряда стен опоясывали вершину, поднимаясь уступами, как

ступени гигантской лестницы. Над ними возвышалась главная башня — донжон квадратной формы, с узкими бойницами, которые смотрели на мир холодными, равнодушными глазами. Его зубцы касались неба, и облака, казалось, цеплялись за них.

— Он неприступен, — сказал старый рыцарь, сэр Гуго, тот самый, что привез Этьена в Винчестер десять лет назад. Теперь он совсем поседел, его лицо покрылось морщинами, как старая кожаная перчатка, но спина оставалась прямой, а взгляд — острым. Он опирался на рукоять меча, как на посох. — Построен еще при Карле Великом. Никто не брал его штурмом. Никто. Даже сарацины, когда они дошли до этих мест триста лет назад, обошли его стороной. Мы будем штурмовать его год — и не возьмем.

Вокруг них, на склонах холма, разбивали лагерь войска Ричарда. Оруженосцы вбивали в сухую землю колья для шатров, конюхи распрягали лошадей и вели их к реке на водопой, лучники проверяли тетивы своих длинных тисовых луков. Пахло конским потом, кожей, дымом костров и разогретой на солнце пылью. Где-то звякал молот кузнеца, чинившего доспехи. Пехотинцы в стеганых гамбезонах, набитых конским волосом, сидели прямо на траве и точили лезвия своих алебард. Над лагерем развевалось алое знамя с золотым львом — леопардом, как называли его геральдисты.

Ричард, граф Пуату — ему было уже двадцать два, — стоял впереди всех, на самом краю обрыва. Ветер трепал его

светлые, выгоревшие на солнце волосы. Он был без шлема, в одной только кольчуге поверх кожаного гамбезона, и держал в руке меч, опущенный острием вниз. Его голубые глаза, прищуренные от яркого солнца, изучали замок с жадным, почти голодным любопытством.

— Он не падет, — повторил сэр Гуго, сплевывая в траву. — Нужно договариваться, сир. Послать парламентаря. Предложить гарнизону почетную сдачу.

Ричард обернулся и улыбнулся — той самой хищной улыбкой, которую Этьен научился узнавать за эти годы. Улыбкой, которая означала, что принц уже все решил.

— Тогда мы не будем штурмовать его, — сказал он. — Мы заставим его голодать.

— Но это может занять месяцы, сир, — возразил сэр Гуго. — У нас нет столько припасов. Люди начнут роптать. Бароны...

— Бароны подождут, — оборвал его Ричард. — Я сказал: мы не будем штурмовать. Мы поставим кольцо осады, перекроем все дороги, все тропы, все подходы по реке. Ни одна крыса не проскочит в эту нору. Ни один мешок зерна, ни одна бочка солонины. Они будут есть собственных лошадей. Потом собак. Потом крыс. А потом они сами выйдут к нам на коленях.

И они ждали.

Первая неделя прошла в трудах. По приказу Ричарда вокруг замка вырыли глубокий ров и насыпали земляной вал,

укрепив его частоколом из заостренных бревен. Через реку натянули тяжелую железную цепь — такую, что ни одна лодка не могла пройти незамеченной. На окрестных холмах выставили дозорные посты — лучники на деревьях, конные разъезды в долине. Каждый день Ричард лично объезжал позиции, проверял дозоры, говорил с солдатами. Он знал многих по именам — и это поражало Этьена больше всего.

Вторая неделя тянулась медленно, как патока. Жара усилилась. По ночам становилось чуть прохладнее, но днем солнце жгло так, что доспехи накалялись, и прикоснуться к ним голой рукой было невозможно. Воины спасались тем, что укрывались под навесами из промасленной парусины и пили воду, смешанную с кислым вином, — чистую воду приходилось возить издалека, и она быстро протухала на жаре. Крестьяне из окрестных деревень приносили на продажу яйца, кур, козий сыр — Ричард запретил грабить местных, и за продовольствие платили звонкой монетой. Это было мудро — местные не разбегались, а, наоборот, охотно снабжали лагерь.

Этьен сидел у костра долгими июньскими вечерами, чистил меч промасленной тряпкой, снимая с клинка малейшие пятнышки ржавчины, и слушал рассказы старых рыцарей. Те сидели, протянув к огню натруженные ноги в стоптанных сапогах, и вспоминали, как осаждали крепости в Уэльсе — мокрые, продуваемые всеми ветрами, — и в Шотландии, где врагом был не столько противник, сколько холод и туман.

Этьен учился терпению. Это была самая трудная наука для воина — наука ждать.

Каждое утро он смотрел на замок в подзорную трубу — грубую, из полированной меди, но дававшую хорошее увеличение. Он видел, как защитники на стенах становились все хуже. Их лица темнели от голода, движения становились медленными, вялыми. Однажды утром он увидел, как со стены сбросили дохлую лошадь — значит, кони уже кончились. Значит, голод добрался до конюшен.

Но они держались. Они все еще держались.

— Они надеются на вылазку, — сказал Ричард на третью неделю. Они стояли на холме, глядя на замок в предрассветной дымке. — Они думают, что мы устали, ослабли, потеряли бдительность. Они думают, что смогут прорваться ночью, смять наши посты и уйти в лес. Но они ошибаются.

Он повернулся к Этьену, и в его глазах горел холодный огонь.

— Мы не ослабли. Мы готовы. И мы будем ждать. Терпение, Этьен. Терпение — это оружие, которое острее меча. Запомни это.

Вылазка случилась на двадцать второй день осады, в час перед рассветом, когда небо на востоке только начинало сереть, а звезды еще горели над головой.

Защитники — около полусотни человек, все, кто еще мог держать оружие, — спустились со стен на веревках и бесшумно, как тени, двинулись к лагерю Ричарда. На них были

кожаные доспехи, лица вымазаны сажей, чтобы не блестели в темноте. Они надеялись застать осаждающих врасплох, перерезать часовых, открыть ворота и уйти.

Но Ричард был готов.

Сигнальный рог проревел в тишине — низкий, гортанный звук, от которого кровь стыла в жилах. Из-за земляного вала поднялись лучники, прятавшиеся там всю ночь. Свист стрел разорвал тишину — длинные тисовые луки били на триста шагов, пробивая кожаные доспехи, как бумагу. Пехотинцы с алебардами выскочили из-за укрытий. Рыцари вскакивали на коней, еще не до конца проснувшиеся, но уже выхватывающие мечи.

— Вперед! — закричал Ричард, и его голос перекрыл шум битвы. — Убейте их всех!

Этьен ринулся в бой, чувствуя, как его сердце колотится где-то в горле. Ноги сами несли его вперед, в гущу схватки. Кровь стучала в висках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.